

УДК 141.32

ФЕНОМЕН СКУКИ: ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ

А.А. Макарьева, С.В. Иванов

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Феномен скуки интерпретируется с точки зрения философии в онтологическом ракурсе, а также анализируется психологический ракурс видения этого феномена. Определяя сущность скуки как эмоции, настроения и экзистенциала, автор рассматривает её как доминирующие в современном мире фундаментальные негативные переживания. Исследуются философские теории, в которых скука как экзистенциал способна быть основой созидания и творческой активности.

Ключевые слова: *скука, эмоция, настроение, экзистенциал.*

Понятие «скука» ассоциируется у современных людей прежде всего с праздностью, ментальным голодом. В психологии скука чаще всего рассматривается как форма отрицательно окрашенной эмоции (или настроения), возникающей в ситуациях с уровнем стимуляции ниже оптимального. Многие теории связывают скуку с вниманием, возбуждением, процессом обработки информации и стимульной недогрузкой. Скука здесь – явление прежде всего ситуативное, легко преодолеваемое с помощью направленной активности. Но экзистенциальная философия понимает феномен скуки в совершенно другом ключе, приравнивая скуку к таким экзистенциальным состояниям, как страх, отчаяние и ужас.

Чтобы прояснить сущность феномена скуки и тех дефиниций, которые он приобретает в современном мире, необходимо обратиться как к психологии, так и к философии, выявляя содержание скуки как эмоции, настроения и элемента экзистенциальности.

Эмоция – то, что переживается здесь и сейчас как реакция на ситуацию (скука здесь – как правило, результат однообразия внешних стимулов). Но человек не в состоянии поддерживать неизменный эмоциональный уровень, эмоции изменчивы и не длятся долго. Итак, ситуативная скука, скука как эмоция, связана с воздействием «триггера», т. е. является результатом оценочной интерпретации ситуации. Ситуативная скука ограничена во времени и исчезает при появлении новых стимулов.

Многие авторы наличие эмоций у человека интерпретируют как адаптивную способность, способствующую выживанию. В то же время в психологии принято различать и деструктивные эмоции. Психолог Пол Экман указывает на условность такого разделения, поскольку даже деструктивные эмоции в некоторых ситуациях могут быть конструктивными. По его мнению, «настроения чаще создают нам трудности, чем некоторые из наших эмоций. Одно из различий между эмоциями и настроениями состоит в понимании человеком того, что вызывает каждую из них. Он может не знать, что приводит в действие эмоцию, когда

она возникает в первый раз, но впоследствии он почти всегда легко может это установить» [5, с. 37]. Экман считает настроение побочным эффектом, возникшим в ходе эволюции эмоциональной жизни.

По мнению Мартина Хайдеггера, человек подчинён настроениям и не в состоянии определить их внутренние и внешние состояния. Настроение – это действительное глубочайшее выражение человеческого способа бытия, и в этом смысле оно выступает как общий контекст жизни человека и его деятельности и исключает существование неокрашенного настроением мира [3].

Экзистенциальная скука является основой философствования и экзистирования, она не появляется и не исчезает, всегда присутствуя внутри нас. Как утверждает Хайдеггер, в состоянии скуки мы способны постичь смысл бытия и сущность времени. В такой трактовке скука становится привилегированным состоянием, наводящим на размышления о проблемах бытия и времени [3]. Минимизируя проявления скуки или других фундаментальных настроений, мы, следовательно, упускаем те возможности и потенции, которые в этом состоянии могут быть реализованы. Повседневная жизнь, в своем уходе от экзистенциальных состояний, постоянном бегстве от себя, не позволяет получить доступ к основам бытия.

У философов, рассматривающих эту тему, – Л. Свендсена, М. Хайдеггера, А. Камю – скука выступает как источник возникновения пустого пространства и саморефлексии. Образ страдающего философа, несчастного интеллектуала, постигающего через страдание истину и смысл, существовал с момента возникновения философии. Для Альбера Камю это погружение в Абсурд, для Мартина Хайдеггера – Ужас.

Таким образом, скуку в аспекте философского рассмотрения можно обозначить как длительное, психологически не компенсируемое внешними средствами состояние, которое может являться как деструктивным, так и конструктивным. Основным отличием конструктивной скуки от рассматриваемого в психологии «патологического» состояния является прежде всего осознание этого состояния, «требование ясности», по выражению Камю.

Деструктивная скука – неситуативная и продолжительная приводит к аутоагрессивным формам поведения и депрессивным состояниям. Зато ее волевое преодоление, осознание, понимание этого состояния раскрывает позитивную, конструктивную часть скуки. Осознание скуки в экзистенциальной философии становится ответом на вопрос о значимости существования и его смысле. Если неприятное состояние скуки невозможно преодолеть теми способами, которые предлагает общество, агент скуки вынужденно прибегает к саморефлексии, начинает задаваться вопросами о смысле собственного существования и его условиях.

В настоящее время мировоззренческая суть экзистенциальной философии, и в частности её понимания скуки, приобретает значительную актуальность. Увеличение свободного времени, с одной стороны, и

характерная для постиндустриального и информационного общества смыслоутрата дезориентируют человека. Социум предоставляет в наше распоряжение множество смыслов, которые являются равнозначными, а потому обесцениваются. Многочисленные возможности в сочетании с отсутствием критериев истинности и правильности этих возможностей приводят к вечному процессу перехода, мотивационному параличу.

Традиционное общество структурировало жизненное время человека, наполняя каждый временной отрезок традиционными занятиями, имеющими не только прагматический, но и сакральный смыслы: «Массе населения в средневековой Европе или крестьянской России некогда было скучать: ритмы природы и смена ее сезонов, требующая разной деятельности, церковный календарь, необходимость работать и на себя, и на барина делали жизненный график достаточно насыщенным, а существующие религиозносимволические представления наполняли душевную жизнь... архетипическими смыслонаполненными переживаниями... Непосредственный интерес выживания, точное знание, чем заняться в данный период времени наполняли существование тем непосредственным эмоциональным смыслом, который несовместим со скукой – пустым, душевно незаполненным времяпровождением, маятой от ничегонеделанья» [1].

В посттрадиционных обществах при достаточно высоком уровне материального благополучия скука становится массовым явлением. Изобилие товаров приводит к кризису желаний, а конкуренция символического потребления не может привести к окончательной победе. Одновременно индустриальное и постиндустриальное производство отчуждает человека от природы, подчиняет человека технике, делает его участие в деятельности частичным, лишает труд эмоциональной наполненности и осмысленности. Человеческая деятельность планомерно теряет связь с человеческими потребностями, а та часть его жизни, которая свободна от работы, зачастую оказывается подчиненной средствам массовой информации, достаточно однообразными и несложными средствами пытающимся развеять тотальность скуки. По мнению Бенно Хюбнера, скука существует как врожденная и неустранимая черта человеческого существования [4, с. 152]. Хюбнер описывает скуку как присущий *homo sapiens* экзистенциал, характеризующий его в той же степени, что и голод, сексуальность, речь, язык и использование орудий труда. Основной человеческой проблемой, по его мнению, является нехватка пищи, комфорта или здоровья, а утрата целей и смысла. Проблема движения в никуда, занимавшая философов-экзистенциалистов, приобретает необычайную актуальность в условиях, когда свободное время мы можем обрести в весьма существенных объемах. Парадоксальность ситуации в том, что распоряжаться свободным временем оказывается непосильной задачей, требующей ответственности и свободного выбора. Наличие свободного времени превращается в проблему и

требует напряженных размышлений. Хюбнер также видит в скуке возможность для саморефлексии и развития: «В скуке, “затянувшемся некотором времени” [Lange-Weile), в сознании и чувстве слишком длительного пустого времени и одновременном осознании пропасти между Я и миром (скука и отдаленность от мира взаимосвязаны) Я тяготеет к самим собой. Нужно что-то предпринять, чтобы прогнать скуку и психическую пустоту, преодолеть отдаленность от мира. Тем самым скука является для человека поводом делать нечто большее, чем удовлетворять физические потребности, она – метафизический повод, выходящий за пределы физических потребностей. Она – просто повод для метафизических движений» [там же, с. 47]. Он апеллирует к А. Шопенгауэру, рассматривавшему скуку наряду с нуждой как один из движущих стимулов всякой деятельности, и считает её «а priori всякой деятельности», являющейся чем-то большим, чем удовлетворение физических потребностей. Способность человека погружаться в состояние замедленного, затяжного течения времени приводит его к потребности в деятельности, прогоняющей скуку, т. е. возникает «потребность преодолеть противостояние субъекта и объекта, зияющую пустоту между Я и миром, которая переживается как психическая пустота» [там же, с. 50]. Выходом из нигилистической скуки становится либо «эгофугизм», когда заочневшее в скуке Я предпочитает устремляться «в никуда», либо более изящный, но и требующий куда большей осознанности этический, альтруистический вариант действий. Причём в понимании Хюбнера альтруистичное поведение осуществляется человеком для самого себя, в результате идентификации с Другими, призванной преодолеть тавтологию Я–Я, обеспечить выход человека за собственные пределы, дать возможность повлиять на что-то в мире. Свойственная человеку скука, таким образом, гарантирует потребность в «прибавочной деятельности», выходящей за рамки удовлетворения физиологических потребностей и сиюминутных устремлений, скука дает человеку способность изменять мир и не только репродуктивно его воспроизводить, но и созидать.

Хюбнер показывает, что в состоянии скуки человек дистанцируется от мира, попадает в свободное пространство, где Я «освобождено от каузально-детерминистской мирской зависимости, а с другой стороны, еще не опосредовано телеологической связью с миром». Скука позволяет человеку воспринимать реальность во временном измерении и быть вовлечённым в происходящие в ней события. Эта вовлеченность становится предпосылкой того, что способный к прогнозированию человек вызывает своей деятельностью позитивные изменения в мире и предотвращает негативное. Если скука как таковая является причиной прибавочной деятельности человека вообще, то осознанная скука приводит к осуществлению не только деятельности ради деятельности, игры, появления разнообразия, но и вовлечённой деятельности, согласованной с миром, конкретизированной и основанной на нем. Человек,

осознавший скуку, становится посредником между существующим и возможным, достижимым миром, пытается преодолеть противоположность между ними. Благодаря провокации скуки деятельность человека обретает цель, осуществляется уже не только ради него самого, но и выносится в мир, вовне. Таким образом, из детерминированного инстинктами существа, определенного и обусловленного каузально, он превращается в телеологическое, определяющее само себя существо, обретает свободу через страдание скуки [4].

Таким образом, философия видит два пути решения вопроса скуки – негативное переживание негативных экзистенциальных состояний или окрашенная радостью постижения творческая социальная энергия. В первом случае погружение в такие экзистенциальные состояния, как ужас у М. Хайдеггера, отчаяние у С. Кьеркегора, абсурд у А. Камю, приводит к постижению смысла, во втором – эти негативные состояния преодолеваются с помощью активного, творческого созидания, направленного на изменение мира, как у Б. Хюбнера и Э. Фромма.

Для М. Хайдеггера «погружение» в скуку представляется необходимым для возникновения пустоты, в которой и высвечивается смысл Бытия и человеческого существования. Л. Свендсен, в противоположность М. Хайдеггеру, утверждает, что скуку невозможно преодолеть саморефлексией или волевым актом, с ней можно только сосуществовать [2, с. 256]. А. Камю оказывается, скорее, ближе к М. Хайдеггеру, он считает скуку условием, необходимым для осознания абсурдности устройства мира.

Итак, понятие скуки охватывает множество значений: незаполненное время, отсутствие персонального смысла и цели, неудовлетворенность. Скука – это пустой взгляд на мир, и именно поэтому она является условием для рефлексии, предоставляет возможность для достижения осознания и, при определенных приложенных усилиях, творческого изменения мира.

Список литературы

1. Золотухина-Аболина Е.В. Скука и смысл. URL: <http://philosophy.pu.ru/index.php?id=357> (дата обращения: 16.10.2013).
2. Свендсен Л. Философия скуки. М., 2003.
3. Хайдеггер М. Бытие и время URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haid_BtVr/07.php (дата обращения: 15.10.2013).
4. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики. М., 2000.
5. Экман П., Далай-лама. Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия. СПб., 2011.

THEORETICAL APPROACHES TO THE BOREDOM PHENOMENON IN PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

A.A. Makaryeva, S.V. Ivanov

Tver State Technical University, Tver

The boredom phenomenon is interpreted in terms of philosophy in the ontological perspective, as well as examined from the psychological point of view. Defining the essence of boredom as an emotion, sentiment, and existential, the author understands boredom as a fundamental negative experience prevailing in contemporary world. At the same time, philosophical theories considering boredom as a possible basis of originality and creative activity are also analyzed.

Об авторах:

МАКАРЬЕВА Анастасия Александровна – к.ф.н., старший преподаватель кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: sehmetraz@gmail.com

ИВАНОВ Сергей Валерьевич – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: sv_ivanov@icloud.com

Authors information:

MAKARYEVA Anastasya Alexandrovna – Ph. D., Assoc. Prof. of the Dept. of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: sehmetraz@gmail.com

IVANOV Sergey Valeryevich – Ph.D. student of the Dept. of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver. E-mail: sv_ivanov@icloud.com